

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ
20—22 июня 2013

**КИТАЙ МЕНЯЕТ ТАКТИКУ: НОВЫЕ МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА**

Теледебаты Caixin Media

20 июня 2013

18:00—19:15, Павильон 4, Конференц-зал 4.1

Санкт-Петербург, Россия
2013

Модератор:

Ван Шо, Управляющий редактор, Caixin Media Company

Выступающие:

Павел Грачев, Генеральный директор, Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона

Энди Се, Независимый экономист, КНР

Лу Хао, Губернатор провинции Хэйлунцзян, Китай

Ли Цзяньгэ, Вице-председатель, Central Huijin Investment Company Ltd

Дамиан Чунилал, Руководитель по региону «Азия», ВТБ Капитал

Ли Цзяньгэ:

Всех чрезвычайно интересуют изменения в модели дальнейшего экономического развития Китая. Разумеется, этим изменениям сопутствует проведение реформы. Все ожидают появления этой осенью плана структурных преобразований китайской экономики на последующие пять—десять лет. С чем связаны эти ожидания? С тем, что на протяжении 35 лет преобразований в Китае такой план создавался в среднем каждые десять лет. Первый появился в 1984 году, следующий был опубликован в 1993-м, затем в 2003 году. Поэтому последние два года общественность ждет очередной публикации такого документа, которая должна состояться этой осенью. Нам известно, что предварительная работа над ним уже началась, но, поскольку это документ министерства внутренних дел, о самом процессе мы представления не имеем. С моей точки зрения, можно ожидать, что в документе останутся неизменными два основных вектора: во-первых, утвержденный китайским правительством 20 лет назад курс реформы рыночной экономики; во-вторых, установленные китайским правительством 15 лет назад направления развития разнообразных секторов экономики, в первую очередь частного сектора. Полагаю, следует обратить внимание именно на эти два аспекта документа. Спасибо.

Д. Чунилал:

С какими проблемами сталкивается Китай? Что он должен делать? Что можно сделать?

Китай столкнулся с той же проблемой, что и весь остальной мир, — речь о периоде экономического спада. Я не буду останавливаться на данном вопросе: уверен, что мы поговорим об этом позже.

Есть очевидные признаки того, что в Китае наблюдается нехватка финансовых средств: об этом свидетельствует отношение объема кредитов к ВВП, а главное — темпы роста кредитов, значительно

превышающие темпы роста ВВП. Другие признаки этого — недавние проблемы с ликвидностью, рост теневой экономики: банковской системы, трастов, производства предметов роскоши, — а также экономические процессы в других странах, которые неблагоприятно отражаются на финансовой системе Китая. Вопрос звучит следующим образом: переживает ли Китай «момент Мински»?

И наконец — последняя, самая долговременная проблема: ловушка среднего дохода. Превосходно выполненный переход от аграрной экономики к индустриальной приносил Китаю выгоду в течение многих лет. Объем промышленного производства многократно возрос. Китай резко увеличил экспорт, и его успешный опыт стали изучать в различных странах.

Однако переход от индустриальной экономики к экономике, основанной преимущественно на потреблении и услугах, выглядит уже не столь впечатляюще. Из 101 страны со средним доходом на душу населения (в отчете Всемирного банка «средним» называется годовой доход, не превышающий 15 тысяч долларов) лишь в 13 странах удалось достичь высокого уровня доходов. Китаю нужно строить экономику, основанную на знаниях и умениях, серьезнее специализироваться на определенных видах продукции, добиваться экономического роста не за счет привлечения всё новых ресурсов, а за счет повышения производительности труда. Кроме того (но это дискуссионный вопрос), надо сделать менее централизованной систему принятия экономических решений.

Полагаю, китайские власти осведомлены об этих проблемах и намерены их решать. Но, по моему мнению, Китаю следует сменить всю парадигму экономического роста.

Э. Се:

Китай может обеспечить рост экономики за счет упорядочения внутренних ресурсов. Как мне представляется, необходимо сделать две

вещи. Во-первых, нужно восстановить баланс между потреблением и инвестициями на стороне спроса. Сейчас инвестиции составляют 50% ВВП: этот показатель должен быть доведен до 30%. Для страны с подушевым доходом шесть тысяч долларов США 30% — более адекватный показатель. Таким образом, потребление станет локомотивом экономики в этот переходный период.

Следует снизить налоги, чтобы население могло тратить больше денег. Я считаю, что это своего рода лакмусовая бумажка. Что бы ни говорили власти, им это ничего не стоит. Нужно, чтобы деньги переходили из одних рук в другие. Продуманное снижение налогов станет большим шагом вперед.

Помимо восстановления баланса на стороне спроса, следует позаботиться об эффективности производства. Если объем инвестиций снизится до 30% ВВП, 7%-ного роста ВВП невозможно будет добиться при нынешнем уровне эффективности. Между тем власти желают обеспечить 7%-ный рост в долгосрочной перспективе, о чем недавно говорил премьер-министр. При объеме инвестиций, равном 30% ВВП, для достижения роста в 7% следует значительно повысить эффективность производства.

Это требует перераспределения ресурсов. Первый шаг к такому перераспределению — финансовая реформа. Финансовые ресурсы сконцентрированы по преимуществу в секторе недвижимости, который ничего не производит. Будущее Китая зависит от того, удастся ли предотвратить образование «пузыря» на рынке недвижимости.

С краткосрочными облигациями все обстоит хорошо. На мой взгляд, такие показатели, как ВВП и индекс деловой активности, не слишком важны. Китай — игрок мирового уровня. Если дела у Китая пойдут успешно, его экономика через десять лет станет крупнейшей в мире. Десятипроцентный рост для этого совершенно не нужен: китайская экономика сделается первой в мире и при 7%-ном росте.

Нужно лишь восстановить баланс между потреблением и инвестициями и повысить эффективность производства. А для этого требуется, во-первых, снизить налоги, а во-вторых, не допустить образования «пузыря» в сфере недвижимости.

Если принять меры против образования такого «пузыря», в краткосрочном плане последствия будут негативными, но в долгосрочном — благоприятными.

Ван Шо:

Вы говорили о снижении налогов, верно? Я полагаю, что налоговые поступления в пользу государства растут очень быстро — гораздо быстрее, чем ВВП. Какие налоги Вы предлагаете уменьшить?

Э. Се:

Прежде всего, налог на добавленную стоимость, дающий основную часть налоговых поступлений. В Китае его ставка составляет 17%: не самый высокий в мире показатель, но для страны с развивающейся экономикой — очень высокий. Думаю, ставку следует понизить до 13—14%, что стимулирует потребление. Если государство хочет поддерживать потребление, нужно снизить его стоимость.

Далее, снижение подоходного налога: я говорю об этом уже много лет. Высшая ставка подоходного налога составляет 45% и применяется к достаточно низким суммам. Кто платит эти 45%? Средний класс. Богатые люди, владеющие собственным бизнесом, платят налог на прибыль в размере 25%. Сколько бы они ни тратили, это проходит по статье их бизнеса: действующая ставка равна 25%. А 45%-ная ставка ударяет по «белым воротничкам». Класс «белых воротничков» в Китае только начинает вставать на ноги. Не стоит наносить удар по этой еще не окрепшей группе. Полагаю, ставку подоходного налога нужно снизить до 25% — до уровня ставки налога на прибыль.

Это побудило бы «белых воротничков» со всего мира перебираться в Китай. Многие говорят, что в Китае не создается никаких инноваций. В условиях глобализации многое делается быстрее, чем раньше: страна может привлечь специалистов и за счет этого быстро подняться.

Китай попал в ловушку среднего дохода. Страну ждет либо крах, либо подъем. Третьего не дано. Вряд ли ситуация останется такой же, какой была в предыдущие годы. Если реформы состоятся, в страну устремятся капиталы и таланты, и китайская экономика через десять лет станет крупнейшей в мире. Если реформ не будет и образуется «пузырь» на рынке недвижимости, через два-три года страну ждет тяжелейший финансовый кризис.

Ван Шо:

Особенное беспокойство вызывает тот факт, что больше всего пострадал частный бизнес. Почему так случилось? Что поможет частному сектору, помимо снижения налогов?

Э. Се:

Частные компании испытывают давление со стороны конкурентов, а государственные стремятся монополизировать рынок или работать при низкой конкуренции. В таких условиях частный бизнес беззащитен. Далее, китайские власти поощряют долгосрочные инвестиции, создавая соответствующие стимулы, так что во всех отраслях наблюдается переизбыток мощностей. Бизнесмены получают прибыль только тогда, когда экономика перегрета. Высокие темпы роста создают резерв ценообразования. При снижении темпов возникает переизбыток мощностей, и прибыль уменьшается.

Неизбежным следствием китайской модели роста, основанной на стимулировании инвестиций, является то, что при замедлении роста прибыль сходит на нет. Это экономика, основанная на переизбытке мощностей.

Как решить эту проблему? Обычно процесс выглядит так: вы печатаете деньги и стимулируете экономику, что привлекает в нее всё новые инвестиции. В краткосрочном плане новые инвестиции создают дополнительный спрос, и состояние экономики улучшается, но в долгосрочном плане инвестиции приводят к переизбытку мощностей, и в течение следующего цикла экономика испытывает из-за этого трудности. Чтобы разорвать этот порочный круг, Китаю нужно остановиться. Многие компании разорятся, но без такого плодотворного разрушения экономика развиваться не будет. Поэтому плохие экономические новости в краткосрочном плане — это на самом деле хорошие новости. Игроки финансовых рынков проявляют близорукость: видя, что индекс деловой активности или ВВП снижается, они впадают в панику, и на рынке начинаются распродажи. Но в долгосрочном плане это снижение внушает оптимизм.

Если китайские власти не отступят от своей политики, несмотря на замедление темпов роста, и не будут вливать в экономику деньги, поддерживая их приток на приемлемом уровне 12—13% в год, не ниже, — экономика будет отрегулирована.

Не стоит беспокоиться по поводу китайского народа или китайского правительства. Население Китая как раз ориентировано на рыночные ценности. Если государство перестанет вмешиваться, китайскую экономику ждет бум.

Проблема в том, что китайские власти стремятся вмешиваться в экономические процессы. Первопричина всех трудностей — именно в этом.

Ван Шо:

Государственные компании извлекли наибольшую выгоду из неправильного размещения капитала, поэтому важнейшей частью любого комплекса долгосрочных реформ должно стать реформирование государственных компаний. Вероятно, это подразумевает реформу прав

собственности или приватизацию, отказ от монополизма и введение одинакового режима для всех компаний, независимо от формы собственности. Что из этого следует осуществить в первую очередь? Или все шаги нужно предпринять одновременно?

Ли Цзяньгэ:

В первую очередь, как мне кажется, описывать нынешнее положение дел в Китае с помощью понятия «SOE» (state-owned enterprises), которое используется за рубежом, или «национальное предприятие», которое используется в Китае, не вполне корректно, поскольку сейчас национальных предприятий в чистом виде, в полном смысле этого слова, в КНР становится все меньше и меньше. В большей степени это публичные компании, являющиеся государственными холдинговыми предприятиями. Поэтому на одном из недавних собраний я предложил в дальнейшем как можно реже использовать понятие «национальное предприятие» и при определении предприятий отдавать предпочтение юридическим терминам «публичная государственная холдинговая компания», «непубличная компания», «артельное предприятие». Ранее, занимая пост в Комитете по контролю и управлению государственным имуществом Госсовета КНР, я говорил: «Вы — Комитет по контролю и управлению государственным имуществом, вы — лица, финансирующие госимущество и управляющие им, но вы не являетесь вышестоящей инстанцией компании, акции которой допущены к обращению на фондовом рынке. Потому что компания, акции которой допущены к обращению на фондовом рынке, — это публичная компания, она вам не принадлежит, вы лишь входите в число лиц, финансирующих ее». Таким образом, если мы откажемся от понятий «национальное предприятие», «народное предприятие» и будем пользоваться понятием «компания», многие вопросы можно будет рассматривать более комплексно.

По моему мнению, в дальнейшем следует развивать все отрасли экономики, чтобы в каждой присутствовал созидательный потенциал.

Есть как минимум три момента, на которых традиционно заостряют внимание учебники. Во-первых, необходимо строго охранять имущественное право. В нашей Конституции говорится и об общественной, и о частной собственности, но фактически общественное имущество защищено как правило, хотя и бывают случаи коррупции, а вот частная собственность защищается только за счет усилий отдельных людей.

Во-вторых, должна существовать свобода заключения договоров, о чем я в последнее время открыто говорил, заявлял в газетах. Необходимо повсеместно поощрять дух договорных отношений. Неважно, о каком аспекте торговых операций идет речь, стороны должны заключать соглашение и делать это добровольно.

В-третьих, неважно, какие действия совершаются на рынке, — отвечать за них обязан тот, кто их совершил, никто не должен нести ответственность вместо него. Это касается и государственного имущества, о котором мы только что говорили: государство не должно применять какие-то специальные меры для его охраны, какие бы действия ни совершались на рынке, тем более не должно возникать возможностей для монополизации. Таким образом во всех отраслях экономики станет возможной полноценная рыночная конкуренция.

Повторяю еще раз три основных момента: первое — защита имущественных прав, второе — свобода заключения договоров, третье — персональная ответственность, все ответственные лица должны самостоятельно брать на себя обязательства.

Ван Шо:

Господин Цзяньгэ выдвинул очень хорошие предложения. Но достаточно ли будет этих трех шагов, чтобы решить проблему государственных компаний?

Э. Се:

Наличие конкуренции — очень важное обстоятельство. Если не обеспечить конкуренцию, реформа государственных компаний не будет успешной. Думаю, главное здесь — позиция власти. В Китае политическая власть способна преодолеть многие препятствия, и поэтому страна уже 30 лет успешно идет по пути реформ, а ее экономика становится все более открытой. Открытость — важнейший фактор реформирования экономики.

Китай является крупнейшим в мире экспортером и не имеет сколь-нибудь значительных соглашений о свободной торговле с другими странами. Ему следует попытаться заключить такое соглашение с Европой. Тогда все отрасли китайской экономики будут испытывать конкурентное давление, а кроме того, будет обеспечен внешний контроль над соблюдением правил. Внутри Китая нет сил, сравнимых с государственной властью.

Глобализация и открытость должны стать основой для внутренних реформ.

Ван Шо:

Энди говорит, что главное — это конкуренция, а Цзяньгэ — что верховенство закона. Дамиан, я хотел бы задать Вам вопрос, касающийся государственных компаний. Эти гигантские компании играют ведущую роль в современной китайской экономике, но приносят ли они пользу по-прежнему?

Д. Чунилал:

Во-первых, я не думаю, что это игра с нулевой суммой. Государственный и частный сектора могут успешно сосуществовать, как и во многих других странах. Не стоит полагать, что исчезновение государственных компаний решит все проблемы.

Во-вторых, я считаю, что за последние 20 лет государство сделало очень многое для реформирования этих компаний. Произошла приватизация банков. Одна из моих бывших компаний участвовала в крупнейшем IPO, когда-либо проводимом китайским банком. Еще пять лет назад, как утверждают все, это было невозможно. Власти преобразовали финансовую систему и назначили во многие финансовые учреждения компетентное руководство. Государство также взялось за плохие активы: если не ошибаюсь, господин Ли, Вы участвуете в этом процессе.

Приватизация банков была неопишимо сложной задачей. Все говорили, что провести ее невозможно. И все же приватизацию удалось осуществить.

Итак, многое уже сделано. Собственность и управление отныне разделены — может быть, не в такой степени, как хотелось бы некоторым западным экспертам в области управления, но для Китая этого достаточно. Прогресс весьма значителен.

Эффективность работы государственных компаний неодинакова по отраслям экономики и во многом зависит от того, насколько велика конкуренция. Некоторые из этих компаний выполняют важные общественные функции, о чем не следует забывать. Поэтому числовые показатели — еще не всё.

Но при этом я по-прежнему считаю, что связи государственных компаний с финансовым сектором несут большой вред, приводя к неправильному распределению ресурсов. Из некоторых областей частные компании вытесняются. Можно предположить, что они были бы конкурентоспособными в данных областях, если бы в Китае было больше интеллектуального капитала, своих брендов, компаний, оказывающих услуги, и так далее.

Таким образом, предстоит сделать еще очень многое. И другая проблема: многие малые и средние предприятия в частном секторе не получают достаточного финансирования. Однако с учетом того, насколько Китай богат талантами (и в этом заключается его несомненная

сила), я считаю, что ловушки среднего дохода удастся избежать. В конечном счете, решающую роль играют производственные факторы, и прежде всего человеческий капитал, качество которого в Китае крайне высоко.

Дальнейшие реформы нужны, но не будем забывать о том, сколько уже сделано. Как отметил господин Ли, наблюдается прогресс, и сегодня ведутся такие разговоры, которые были невозможны еще пять лет назад. Повторю еще раз: с моей точки зрения, главная проблема — это связи государственных компаний с финансовым сектором. Само по себе существование государственных компаний проблемой не является.

Ван Шо:

Коррупция как таковая не относится к экономическим проблемам, но все понимают, как велика ее роль в экономике. Мой вопрос звучит так: насколько существенно влияние коррупции на устойчивый рост китайской экономики? Пожалуйста, Энди.

Э. Се:

Прибыль на капитал в государственных компаниях за последние пять лет уменьшилась наполовину. Рост объема кредитов к ВВП в денежном выражении также резко снизился.

Что это означает? Уменьшение эффективности. Главная причина низкой эффективности экономики — коррупция. Многие инвестиционные проекты реализуются в расчете на «откаты». В счет идет не польза от инвестиций, а возможность обогащения для участников проекта.

Притормозить процесс инвестирования очень трудно: каждый хочет, чтобы государство и дальше печатало деньги, стимулируя экономику и осуществляя новые инвестиционные проекты.

С этим связано и образование «пузыря» на рынке недвижимости. Насколько высокими могут быть цены на недвижимость? Сейчас их поддерживают «серые» доходы, о которых я говорил. Коррупционные

доходы притекают на рынок недвижимости. Валютный курс остается стабильным, но эффективность падает.

Для борьбы с коррупцией нужно прежде всего уничтожить «пузырь». В Китае решение любой проблемы, прогресс в любой области зависит от того, как скоро этот «пузырь» лопнет. Коррупция — как монстр, который находится с вами в одной комнате: не убив его, вы не двинетесь с места. Можно до бесконечности обсуждать различные планы и их детали, но задача сегодняшнего дня — уничтожить «пузырь».

Сделать это очень просто: нужно поднять процентную ставку или обложить налогом все пустующие квартиры. В любом из этих случаев «пузырь» лопнет. После этого возможности для коррупции резко уменьшатся.

Ван Шо:

Итак, дело в «пузыре» на рынке недвижимости?

Д. Чунилал:

Государство уже принимает соответствующие меры. Но все не так просто: ликвидация «пузыря» может привести к неожиданным последствиям, это надо как следует продумать. Одна из причин возникновения «пузыря» — отсутствие возможностей для инвестирования. Существуют ограничения на вложение средств в другие активы внутри Китая и на зарубежные инвестиции.

Потому и возникает «пузырь»: активы недоступны, а выпускных клапанов нет. Такими выпускными клапанами могли бы послужить альтернативные способы вложения сбережений, объем которых, как уже говорилось, очень велик.

Люди инвестируют в недвижимость, поскольку доступ к другим секторам экономики для них закрыт. Возникает «пузырь», всё очень просто.

Можно принять различные административные меры: они уничтожат сам симптом, но за любым симптомом скрывается что-то еще. На этом и

нужно сосредоточиться. Конечно, потребуется время, и есть риск, что все сведется в основном к разговорам.

Само по себе уничтожение «пузыря» не решит проблему, симптомом которой он является. Есть определенные трудности и нежелательные последствия, о них тоже надо подумать, но это уже другой вопрос. Я призываю сосредоточиться на том, что породило «пузырь». Это связано с функционированием китайских финансовых рынков.